

Молодова Ирина Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления
Одинцовского гуманитарного университета

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР

Аннотация:

В статье на основе рассекреченных материалов преимущественно региональных архивов рассмотрены условия распространения, организация, виды, средства, методы и содержание политико-пропагандистской деятельности германских захватчиков на территории западных областей РСФСР. Автором предпринята попытка охарактеризовать сильные и слабые стороны, региональные особенности нацистской пропаганды и агитации.

Ключевые слова:

нацизм, Великая Отечественная война, национал-социалистическая идеология, оккупация, оккупационная политика, нацистская пропаганда и агитация.

Molodova Irina Yuryevna

PhD in History, Assistant Professor,
Public and Municipal Administration Department,
Odintsovo University for the Humanities

NAZI PROPAGANDA AND AGITATION IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE WESTERN REGIONS OF THE RSFSR

Summary:

Basing upon the declassified records of the regional archives mostly, the article deals with distribution, organization, types, tools, methods and content of political propaganda of Nazi in the occupied territory of western regions of the RSFSR. The author describes strong and weak points and regional features of Nazi propaganda and agitation.

Keywords:

Nazism, Grate Patriotic War, National Socialist ideology, occupation, occupation policy, Nazi propaganda and agitation.

История XX в. отчетливо продемонстрировала разрушительные и катастрофические последствия распространения германской национал-социалистической идеологии, важнейшим инструментом которой являлась пропаганда и агитация. Однако парадокс конца XX – начала XXI вв. заключается том, что, казалось бы, в достаточно благополучном информационном поле демократических обществ в условиях идеологического плюрализма начинают прорастать и активизироваться положения этой идеологии в виде различного рода неонацистских экстремистских учений, несмотря на правовые запреты и ограничения. Данное обстоятельство актуализирует задачу изучения практики распространения национал-социалистической идеологии, в том числе опыта идеологической обработки населения на оккупированной территории СССР. Между тем в российской историографии пока не появилось фундаментальных исследований, направленных на изучение идеологической ситуации в зоне оккупации с использованием массива рассекреченных архивных документов. Особый интерес представляет изучение нацистской пропаганды и агитации в отдельных регионах, что позволит не только глубже изучить проблему, но и выявить специфические черты, условия распространения вражеской пропаганды.

Идеологическая обработка населения была неотъемлемой частью политики Третьего рейха на Востоке. Для ведения пропаганды была создана разветвленная система служб разного уровня, находившаяся в ведении нескольких руководящих имперских структур – Министерства пропаганды во главе с И. Геббельсом, Восточного министерства А. Розенберга и Генерального штаба вермахта, при котором имелось специальное управление по ведению пропаганды среди населения оккупированных областей. При армиях были созданы пропагандистские роты и взводы, а в крупных городах и населенных пунктах в составе военно-полевых комендатур действовали особые отделы пропаганды. Аналогичные отделы могли функционировать в городских управах, но они не являлись обязательным структурным компонентом управ. Так, в составе Смоленского городского управления, Брянской и Калужской городской управы отделы с такими функциями не были образованы.

К моменту вторжения на территорию РСФСР германские захватчики уже имели значительный опыт идеологической обработки мирного населения. В их арсенале находились заранее отработанные методы и приемы психологического воздействия. Ключевым условием распространения пропаганды и повышения ее эффективности была информационная блокада жителей захваченных населенных пунктов. Власти сразу же изымали у населения радиоприемники, ограничивали свободу передвижения, что резко снижало возможность получения объективных сведений о ситуации на фронтах, в советском тылу и даже в соседних районах. На руку оккупантам

был тот факт, что практически никаких барьеров распространения пропаганды в начале оккупации не было. Система партийного подполья и партизанских отрядов оформилась только зимой 1942 г. и не могла на начальном этапе оказать активное противодействие вражеской пропаганде в силу своей неподготовленности. К тому же поначалу силы советского сопротивления и сами часто действовали в условиях полной информационной изоляции, не имели связи между собой.

Важнейшим средством распространения пропаганды была печатная продукция. На захваченной территории оккупантам удалось в короткие сроки наладить выпуск местных газет, журналов, листовок, обращений, предназначенных для информирования населения. На территории, вошедшей впоследствии в состав Калужской, Брянской и Смоленской областей, издавалась следующая периодическая печатная продукция: газета «Новый путь» в Смоленске, Калуге, в г. Клинцы Брянской области, в Смоленске – «Колокол», «Речь», «Возрождение», «Доброволец», журналы «Школьник», «Школа и воспитание», в Брянской области – «Погарская газета», в Локотском округе – «Голос народа», «Бюллетень» [1; 2; 3].

Содержание этих газет можно классифицировать на пять информационных блоков. Первый включал разнообразный материал о «великой Германии» – новости о боевых успехах, материалы, посвященные жизни и деятельности представителей германской элиты, обзоры речей идеологов нацизма, прогерманские публикации, фотографии о «счастливой жизни германского народа» под властью национал-социалистов. Со страниц прессы читателю внушалась мысль о том, что исход войны предрешен в пользу Германии. Германия преподносилась как социально стабильное государство с исключительно высоким качеством жизни, развитой промышленностью, сельским хозяйством, широкой сетью учреждений культуры и спорта. Негативные стороны жизни национал-социалистического государства замалчивались.

Второй блок содержал жесткую критику противника – обличение сталинского режима, деятельности НКВД, иллюстрации тяжелейшего положения в советском тылу. Третий блок информировал население о распоряжениях и мероприятиях местной оккупационной администрации с призывами широкой поддержки их населением. Четвертый блок составляли фельетоны, стихи, рассказы, письма читателей; сведения о местных происшествиях, праздниках, концертах и киносеансах. Пятый блок – объявления и реклама частных лиц.

На страницы печатных изданий не проникали подлинные замыслы оккупантов. Материал газет строился с тем расчетом, чтобы читатель поверил в «освободительную» миссию захватчиков, в то, что с приходом новой власти будет достигнуто невиданное благополучие и улучшение жизни «освобожденного от рабства большевиков» народа. При этом нацистские пропагандисты в своих интересах использовали сведения о перегибах, имевших место во внутренней политике советского руководства в предвоенные годы, акцентируя внимание населения на необоснованности коллективизации, массовых репрессий, гонений церкви. Безусловно, особенно на начальном этапе, такая искусная пропаганда дезориентировала значительную часть жителей оккупированной территории.

Редакции газет формировали штат своих журналистов, занимавшихся сбором материалов о жизни местного населения. В Смоленской области такие журналисты получали зарплату в размере 300–400 руб. в месяц и построчный гонорар – 1–2 руб. за строчку [4]. Не только журналисты, но и представители оккупационной власти были авторами газетных публикаций. Например, в смоленской еженедельной газете «Новая жизнь» летом 1943 г. был организован специальный раздел о жизни личного состава восточных частей 4-й немецкой армии, в подготовке материала активное участие принимали солдаты и офицеры этих подразделений [5].

Особый вид печатной продукции составляли листовки, обращения, плакаты агитационного характера, обращенные к мирному населению и силам, оказывающим сопротивление оккупантам. В большом количестве распространялись листовки РОА, агитировавшие мужское население вступать в ее ряды. Для текстов такой продукции характерны эмоциональность, морализующий пафос. Типичным примером обращения оккупационных властей к противоборствующим силам являлся текст листовки: «Вьюга мчится по родным просторам... Тебя тянет к теплу, к жене, к ребенку. Как долго ты их не видел?! Ты видишь, как погибают один за другим твои товарищи. Не ужасна ли эта массовая смерть? Пусть ваши руководители и жида сами ведут войну. Если бы вашим руководителям самим пришлось участвовать в войне, они уже давно бы бросили оружие. Кончайте воевать! Переходите к немцам и вашим русским братьям, борющимся против большевизма! После разгрома большевизма наступит мир для вас и для нас» [6]. Интересно, что даже после отступления некоторое время оккупанты продолжали забрасывать освобожденные Красной армией территории листовками. Содержание листовок сводилось к тому, что немцы никогда не отступят, что союзники не в состоянии помочь Советскому государству, поскольку сами терпят поражение [7].

Методы пропаганды и агитации предполагали дифференцированное обращение к различным социальным группам, включали попытки заигрывания с адресатом или его устрашения, допускали использование понятной советскому населению социалистической риторики. Например, в одной из листовок «рабочий А. Гитлер» преподносился борцом за социализм: «Только национал-социалистическая Германия и вождь германских трудящихся, рабочий Адольф Гитлер может разбить оковы, наложенные на вас врагом человеческого рода – жидовским интернациональным капиталом, и дать вам право на достойную жизнь, помочь вам осуществить истинный социализм» [8].

Широкая пропагандистская кампания была бы невозможна без привлечения местных коллаборационистов. Политико-пропагандистская деятельность являлась составным компонентом должностных обязанностей служащих гражданских административных структур. Например, начальнику Глинковского района Смоленское окружное управление направило 500 экземпляров «Воззвания к русским людям» вместе с директивой о распространении материала среди населения и обязательном обсуждении на собрании волостных старшин [9]. Старосты и волостные старшины обязаны были полученный печатный материал вывешивать на доску объявлений.

В захваченные районы армейские службы забрасывали и специально подготовленных пропагандистов. Как правило, они вербовались из числа населения, военнопленных. Цель их деятельности – сформировать положительное отношение населения к оккупационной власти, к проводимым мероприятиям. В обязанности пропагандистов входил также сбор сведений о враждебно настроенных против немецкой власти лицах, партизанах, советских разведчиках, диверсантах, изучение настроений населения, выявление коммунистов, советских активистов.

Армейские пропагандистские службы контролировали эффективность идеологической работы. Донесения нацистских спецслужб свидетельствуют о стремлении «держать руку на пульсе» настроений населения и следить за результативностью пропагандистской работы. «Немецкая пропаганда в основном занималась актуальными вопросами, интересующими население <...> Вербовка рабочей силы для империи, комментарии по аграрному вопросу, воззвания к борьбе против партизан, призыв к напряжению всех сил в весенних работах являлись основными вопросами немецкой пропаганды», – отмечалось в немецком донесении об обстановке в районе армий «Центр» весной 1942 г. [10]. В том же источнике вскрывались недостатки агитационно-пропагандистской работы, которые заключались в недостаточном охвате населения немецкой пропагандой, технических трудностях в распространении печатной продукции, вызванных отсутствием типографии, бумаги, разрушением средств сообщения, деятельностью партизанских формирований.

Оккупанты повсеместно широко практиковали устную пропаганду. Наиболее распространенной ее формой в сельских поселениях было проведение сходов, на которых немцы через переводчиков обращались к населению. Любые общественные мероприятия всегда включали компонент устной пропаганды. Например, в д. Нижнее Жупаново Юхновского района на Празднике Урожая в начале октября 1942 г. немецкий переводчик приказал крестьянке зачитать с трибуны подготовленный местной администрацией текст [11]. В с. Барятино Калужской области в районном клубе была организована встреча Нового года, где оккупанты выступали с поздравительными речами [12].

Большое распространение в захваченных районах получили выступления с речью граждан, побывавших на «экскурсиях» в Германии. Как правило, группы русских коллаборационистов отправляли в Берлин, Лейпциг, Мюнхен, Штутгарт и некоторые другие города рейха. «Экскурсантам» показывали культурные достопримечательности, промышленные, сельскохозяйственные предприятия, лагеря для военнопленных и перемещенных лиц, рассказывали о национал-социалистической партии, после чего они выступали перед аудиторией. Так, с целью «сбора средств для нуждающихся жителей г. Смоленска» в ноябре 1942 г. был устроен «Вечер воспоминаний лиц, побывавших в Германии». Цена на билеты, которые одновременно могли служить в качестве пропуска для хождения по городу, составила 10 руб. [13]. Побывавшие в Германии лица делились своими восторженными впечатлениями и на страницах печатных изданий. Обычно это были брошюры, предназначенные для местных библиотек. В уголовно-проверочном деле бывшего полицейского г. Людиново выявлен факт, что черновые записи своих воспоминаний он сдавал в отдел «1-ц» и «1-л» пропагандистского отдела 339 пехотной дивизии, несколько раз переписывал в соответствии с указаниями, и только после этого брошюра «Впечатления о поездке в Германию» была издана. Кроме того, указанный полицейский неоднократно выступал с речью перед старостами, полицейскими, бургомистрами и другими служащими оккупационных органов власти [14].

В своих целях германские захватчики стремились использовать кинематограф. Демонстрация фильмов обычно превращалась в пропагандистское воздействие на присутствующих. Так, на церемонии открытия кинотеатра в оккупированной Калуге 14 декабря 1941 г. выступал помощник городского головы С.Д. Кудрявцев, в своей речи он выражал благодарность германскому командованию, говорил о налаживании культурной жизни города. Присутствующим на церемонии

лицам был показан немецкий фильм о спортивной жизни на фабриках и заводах Германии, военные еженедельные хроники о «победоносном наступлении германской армии на Восточном фронте» и музыкальный художественный фильм «Королевский вальс» [15]. Перед просмотром художественных фильмов демонстрация немецких хроник была закономерным явлением.

Для решения политических задач использовалось и театральное искусство. В большинстве случаев за деятельностью театров стояли немецкие пропагандистские службы. Крупные театральные труппы имелись, например, в Смоленске, Брянске, Вязьме. Один из актеров театра «Русской драмы», организованного в Смоленске в период оккупации, впоследствии сообщал, что часто перед открытием спектакля в театр являлся работник пропаганды и выступал с антисоветскими речами [16].

Оккупанты пытались внедрить свою идеологию через религиозные чувства верующих. Новая администрация открывала закрытые храмы, поощряла их деятельность, популяризировала церковные праздники. Все это сопровождалось пропагандой. Однако со стороны властей мероприятия по поддержке религии представляли собой попытки заигрывания с населением, использования богослужений в своих политических целях. Известно, что в открытых храмах назначенные новой властью священники нередко обязаны были вести антисоветскую и прогерманскую пропаганду. Причем часто в храмах служили немецкие ставленники, не имевшие духовного образования [17].

Таким образом, оккупационная власть стремилась использовать весь арсенал доступных ей средств пропаганды, практиковала разнообразные методы идеологического воздействия на гражданское население захваченных районов – агитацию на страницах печатных изданий, устные выступления на сходках и массовых мероприятиях, кинематограф, театрализованные представления, пропаганду даже пытались включить в отправление религиозного культа. Все это являлось одним из способов решения политико-пропагандистских задач, а также попыткой обеспечить широкую общественную поддержку мероприятиям новой власти.

Архивные документы позволяют выявить основные черты политико-пропагандистской деятельности оккупантов. Во-первых, стремление придать ей всепроникающий характер. Проведение мероприятий оккупантов сопровождалось организацией широких пропагандистских компаний. Во-вторых, содержание пропагандистского материала имело ярко выраженный нацистский и антикоммунистический компонент, стремление переложить всю ответственность за прошедшие и имеющие место негативные события, в том числе ответственность за развязывание военных действий, на определенную национальную группу, обычно еврейское население, и на коммунистов-большевиков. Для содержания пропагандистских акций было характерно возвеличивание «освободительной миссии» Германии и всяческое уничижение советского строя, советского руководства. В целом формы и методы вражеской пропаганды на территории западных областей РСФСР были аналогичны тому, что использовалось в других захваченных восточных регионах.

Во-вторых, пропагандистские структуры являлись важным инструментом социального контроля, неотъемлемым компонентом оккупационной политики. Отмечено тесное взаимодействие армейских пропагандистских служб с коллаборационистами. Это связано с региональными особенностями – близостью линии фронта и значительным скоплением военных структур. Был создан специальный институт пропагандистов, которые занимались не только распространением идеологических постулатов новой власти, формированием общественной поддержки мероприятий оккупантов, но и осуществляли сбор необходимых для нацистских спецслужб сведений.

В-третьих, для западных областей была характерна неравномерность охвата населения политико-пропагандистскими мероприятиями новой власти, что во многом было связано с сопротивлением населения врагу. На территории западных областей развернулось широкое партизанское движение, что создавало, по оценкам врага, «технические трудности» в распространении средств пропаганды.

Основная масса населения не поддавалась увещаниям немецкой пропаганды. Сама же оккупационная политика способствовала этому. Жесткость и тяготы оккупационного режима, непопулярные мероприятия, произвол и непоследовательность оккупационных властей сводили на нет все пропагандистские увещания. Большую роль в разоблачении вражеской пропаганды сыграли силы советского сопротивления. Сразу после освобождения районов советские партийные органы начали кампанию по ее нейтрализации. Так, в Калужской области Барятинским райкомом ВКП (б) было создано 14 агитколлективов, в которых работало 16 агитаторов, 10 изб-читален, налажен выпуск 48 колхозных газет, а регулярная поставка советских кинофильмов для жителей района была организована воинскими частями Красной армии [18]. Данное обстоятельство существенным образом ослабило влияние нацистских пропагандистских увещаний на сознание советских граждан.

Ссылки:

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАБО. Ф. 2600. Оп. 1. Д. 1.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2736. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАСО. Ф. 2738. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 625. Оп. 1. Д. 46. Л. 722.
6. ГАСО. Ф. 2576. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–6.
7. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 302. Л. 134.
8. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 970. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
9. ГАСО. Ф. 2576. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
10. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 8. Д. 388. Л. 16.
11. ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 26497. Л. 5.
12. ГАДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 302. Л. 134.
13. ГАСО. Ф. 2736. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.
14. Архив Управления федеральной службы безопасности Калужской области (АУФСБКО). Д. 1256. Л. 86.
15. АУФСБКО. Д. 112. Л. 7.
16. АУФСБКО. Д. 16249. Л. 151.
17. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 212. Л. 26.
18. ГАДНИКО. Ф. 970. Оп. 1. Д. 302. Л. 135.

References:

1. *State Archive of the Bryansk region (GABO)*, f. 2521, op. 1, d. 1.
2. *GABO*, f. 2600, op. 1, d. 1.
3. *State Archive of Smolensk region (GASO)*, f. 2736, op. 1, d. 1.
4. *GASO*, f. 2738, op. 1, d. 1, l. 6.
5. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*, f. 625, op. 1, d. 46, l. 722.
6. *GASO*, f. 2576, op. 1, d. 9, l. 4-6.
7. *State Archive of the recent history of the Kaluga region (GADNIKO)*, f. 19, op. 1, d. 302, l. 134.
8. *State Archive of the Kaluga region (GAKO)*, f. 970, op. 1, d. 7, l. 18.
9. *GASO*, f. 2576, op. 1, d. 1, l. 29.
10. *State Archive of Contemporary History of the Smolensk region (GANISO)*, f. 8, op. 8, d. 388, l. 16.
11. *GADNIKO*, f. 748, op. 1, d. 26497, l. 5.
12. *GADNIKO*, f. 19, op. 1, d. 302, l. 134.
13. *GASO*, f. 2736, op. 1, d. 1, l. 211.
14. *Archive of the Federal Security Service of the Kaluga region (AUF SBKO)*, d. 1256, l. 86.
15. *AUF SBKO*, d. 112, l. 7.
16. *AUF SBKO*, d. 16249, l. 151.
17. *RGASPI*, f. 69, op. 1, d. 212, l. 26.
18. *GADNIKO*, f. 970, op. 1, d. 302, l. 135.